

Хазиева Наталия Олеговна, к.ф.н.

Социализация человека в виртуальных мирах постсоветской России

Процесс включения человека в социальное пространство во все времена представлялся сложным, неоднозначным, противоречивым. Однако при определенных условиях – весьма быстрой смене эпох, когда новые времена наступают слишком быстро, и общество еще не готово вступить во вновь образованное социальное пространство, – сложности и препятствия при социализации могут являться нам ярче, значительнее, весомее.

Прежде непосредственного исследования процесса социализации человека постсоветской эпохи, а именно этот непростой период становления и развития России попадет под наше внимание, ввиду множества толкований понятия виртуальной реальности, придадим последней авторское звучание в рамках данной статьи. С уверенностью мы можем сказать, что виртуальная реальность, по своей сути, есть идеальное образование, некая умозрительная конструкция, ставшая неотъемлемым фактором «подлинной» экзистенции человека, при этом, уточнив, что идеальное может навсегда так и остаться идеальным, если только человек не начинает им жить и не наделяет его онтологическими характеристиками: не переносит себя и свое существование в пространство виртуального. Со временем человек становится все более эмоционально вовлеченным, заинтересованным в долгом пребывании в виртуальных реальностях. Осознавая несовпадение собственных представлений о должном и сущем, он награждает виртуальные реальности сущностными, необходимыми, должными характеристиками бытия. И как только человек начинает *жить* в виртуальных мирах, он в этом пространстве и начинает *социализироваться*, обретать свою социальную сущность.

Здесь же отметим, что виртуальное пространство вбирает в себя социальную действительность, преобразует ее (по собственным уникальным

законам), искажает, а затем, отражая, выдает человеку иной ракурс, иное видение окружающего мира. Однако, зачастую, эти процессы для человека остаются невидимыми, и он с легкостью принимает подобное видение за самую действительность.

Для того чтобы наиболее полно продемонстрировать подобное противоречивое взаимодействие (диалектику) виртуальных и актуальных миров, мы обратимся именно к постсоветской России, как близкому нам опыту прошлого. Постсоветская реальность имеет все еще слишком большое значение на мысли и поступки современного россиянина. Тяжелый советский и не менее тяжелый постсоветский периоды оставили свой глубокий след в самом его естестве, глухое эхо тех времен слышно и по сей день. Виртуальные идеи светлого социализма и коммунизма советского периода в действительности надолго овладев умами людей, находили свое отражение в сердцах и умах постсоветского человека, воспроизводя своим наличием привычное социальное пространство.

Социализация, будучи всегда одним из сложных процессов, протекающих в обществе, имела в СССР крайне противоречивый и неоднозначный характер. Единственно одобряемая идентичность «советский человек» предполагала принадлежность к любым из всевозможных союзов: комсомолу, группам октябрят, пионеров – для детей и молодежи, профсоюзам (как передаточному звену между партией и человеком), КПСС, клубу интернациональной дружбы и пр. Иными словами, все идеи, которые формировали виртуальную советскую реальность, правящее руководство стремилось донести до простого человека именно через эти союзы. Положительные стороны такой принудительной принадлежности, безусловно, были. Так, советский человек всегда находился в переплетении множества межличностных связей, что способствовало его социализации, всестороннему развитию, укреплению нравственных и профессиональных качеств, устранению национальных и прочих предрассудков. С другой же стороны, наблюдался сильный контроль над человеком со стороны

все того же профессионального, партийного и прочего окружения. Искоренялось всякое свободомыслие. Тем самым многие области науки, литература, искусство (в том числе киноискусство) погрязли в рутине пропаганды и прославления советского строя, не имея должного развития. Постепенно советский человек разучился жить самостоятельно, принимать действительно независимые решения. Он всецело стал элементом насаждаемой ему виртуальной реальности. Выработанные советским строем в человеке наивность, незащитность, коллективность, несамостоятельность, значительная экономическая несостоятельность со временем укоренялись все глубже. Так начал социализироваться (синтезироваться) определенный тип человека советского периода. Виртуальная советская реальность блистала самыми яркими красками во множестве литературных произведений и фильмах: в романах М. Шолохова, в фильмах И. Пырьева, Ю. Чулюкина, А. Салтыкова, Э. Кеосаяна и многих других.

Когда пал советский строй, опрокинулись и все виртуальные реальности, на которых он зиждился. Человек оказался перед лицом настоящей действительности с ее действительной экономикой, межгосударственными и межнациональными отношениями. «Холодная война», межнациональные распри истерзали экономику государства. Глубокое разочарование в прежних идеалах, которое если и присутствовало прежде в виде невнятных ощущений, вырвалось наружу, поглотив население новообразованной Российской Федерации.

Советский человек не был готов оказаться постсоветским. Советское прошлое еще слишком доминировало в самом его мышлении, взглядах, условиях его жизни, стереотипах поведения, представлениях о мире. Он вступил в постсоветское пространство (в том числе территориальное, политическое, экономическое) все еще охваченный виртуальными мирами прошлого.

Советскому человеку пришлось приспособливаться к таким трагическим условиям своей новой жизни, искать себе новое место и самого себя. Если советское время было полно воодушевляющих лозунгов: «Слава советскому народу!», «Догоним и перегоним!», «Миру – мир», «Планы партии – планы

народа», «Жить стало лучше, жить стало веселее», «Партия – это ум, честь и совесть нашей эпохи», и многими другими, и не менее яркими плакатами, то постсоветское пространство пестрело совсем иными броскими фразами: «Партия, дай порулить», «Голосуй или проиграешь», «Нам нужна другая Россия!», «Выйди на улицу – верни себе город», «Россия для Русских!»...

Усиливающееся недовольство собственной жизнью незадолго до распада СССР выражается известным концептом тех времен: «Так жить нельзя!» Обратим внимание на два наиболее ярких термина, возникших во времена поздней перестройки: «совок» и «новый русский». «В первом – презрение человеку за его приверженность к советским идеалам», второй термин означает «рождение человека генерации, вызванной к жизни принципиально иными целями и задачами государственного развития» [1, стр. 119]. Если к «совку» чаще всего относились как к пережитку прошлого, не представляющему угрозы новому обществу, то «новый русский» как самый яркий представитель своего времени скоро перешел в разряд беззаконников и совершенно аморальных людей [о «новых русских» см., напр. 2]. Возможно, это связано с временным совпадением происхождения этого словосочетания и запуском весьма сомнительного процесса приватизации совместно нажитой собственности советских времен. За первым категорическим (весьма эмоциональным) неприятием и осуждением подобной жизненной позиции, вскоре пришло понимание и убеждение в том, что выжить в это смутное время можно только имея «крышу» и соблюдая правило «делиться», участвуя в «разборках», выплачивая «серую зарплату» и имея «черный нал» [1, стр. 120]. Для того чтобы выжить в это непростое время, рядовому человеку приходилось жертвовать своими принципами и включаться в эту систему на любом ее уровне.

Неоднозначная, сложная, многосторонняя, иногда жестокая по отношению к человеку действительность поглотила постсоветского россиянина. Неготовность, невозможность быстро приспособиться к новым условиям жизни начали вытеснять из наличной действительности людей абсолютно разных

возрастных категорий и с абсолютно разным достатком и положением в обществе. Им приходилось искать новые места своего существования без каких-либо инструментов или подручных средств. Тогда они были вынуждены обратиться к построению виртуальных реальностей. Часть из них, у кого не только первичная социализация, но и все последующие протекали исключительно при советской власти, и чья жизнь оказалась полностью в прошлом, не захотели расставаться с ней легко. Объединенные мыслями, что «раньше было лучше», «вот при советском строе...», «хлеб – 16 копеек» и «Сталина на них нет!», они погрузились обратно в ими виртуально воссоздаваемые уже в современном мире советские времена. В результате возникли многие социальные конфликты. Например, конфликт поколений собственного «закаленного» и «распущенной» молодежи. Не сумели приспособиться и те, кто всю свою жизнь проработал на советское государство. Оказавшись в новых условиях, когда многие заводы встали, и пришлось быстро переключаться на иные виды деятельности, успешно осуществить это удалось далеко не всем.

Безусловно, большая часть населения (преимущественно это среднее поколение) смогло хоть как-то вовремя приспособиться, чаще надеясь на себя и на собственные возможности. Привыкшие всю свою жизнь работать на «трех» работах «без отпуска», истончили, растеряли, рассеяли свою идентичность. Они поверили в советскую (виртуальную) сказку о том, что честный труд действительно может пойти на благо Родины. И, когда со временем пришло осознание личностной опустошенности, человеку срочно потребовалось определить свою идентичность, восстановить заторможенный процесс социализации, он обратился к различным источникам. Новые виртуальные миры (такие как секты, и прочие сообщества) затягивают людей, давая им почувствовать собственную занятость, причастность к чему-то большему, награждают «новой» личностью, когда на самом же деле происходит совершенно обратное.

Современное социально активное поколение – «поколение некст», «сетевое поколение», воспроизводит действительно огромную социальную виртуальную реальность Постмодерна: современную демократию, мировые ценности и ориентиры, новую мировую экономику и пр. *Пропагандируемые ими идеалы истинны* (мир, достаток, равноправие и т.п.), но *их действительные идеалы ложны* (симуляция, коррупция, подчинение, использование, копирование, неограниченное потребление и т.д.) Полученные взамен удобство, достаток, спокойствие и комфорт сгладили желание сопротивляться системе. Общество окунулось в сплетение частных (индивидуальных) и массовых (надындивидуальных) виртуальных реальностей. Когда человеку случается выбраться из их оков, то возникает множество противоречий и конфликтов между действительной реальностью без виртуального налета и той личностью, которая была сформирована при участии виртуальных реальностей.

Предопределенные доминирующими на этом этапе развития постсоветского общества виртуальными реальностями как пространством социализации основные особенности социализационных процессов могут быть выражены, с одной стороны, бесконечной сменой хаотично возникающих порядков, с другой – порядком, где ценностные ориентации выполняют преимущественно дезинтегративную функцию. Вся противоречивость процесса социализации в пространстве постсоветской России может быть описана существованием типов личностей, интересы которых, зачастую, принимают противоположные стороны: патриоты и космополиты, националисты и интернационалисты, активные участники общественных преобразований и асоциальные элементы и пр.

Литература

1. Хазиев А.Х. Словарь повседневности постсоветской России: некоторые особенности становления // Ситуационные исследования. Вып. 4. Ситуационная

картина мира. По материалам международной научно-философской конференции. – Казань: КНИТУ-КАИ, 2011. – С. 118-125.

2. Хазиев А.Х., Шаммазова Е.Ю. «Новый русский» как образец достижения целостности человека в современных условиях // Материалы международной научно-практической конференции «Многомерность и целостность человека в философии, науке, религии» 20-21 апреля 2012 г. – Казань, 2012. – С. 353-355.